ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА (МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ И ТИМУРА ПУЛАТОВА)

Ибрагимова Мохирахон Муроджон кизи
докторант 3-го курса Ферганского государственного университета

Аннотация

В статье исследуются два полярных типа художественного моделирования субъекта в литературе XX века: персонаж как замкнутая система индивидуального сознания (на материале прозы Вирджинии Вулф) и герой как носитель родовой и мифологической памяти (на примере творчества Тимура Пулатова). Сравнительный анализ выявляет различия в нарративных стратегиях, темпоральной организации и стилистических средствах репрезентации. Установлено, что модернистская модель фиксирует разобщенность индивида через поток внутренних ассоциаций, тогда как традиционалистско-мифологическая модель утверждает преемственность культурных кодов.

Ключевые слова: *типология персонажа, поток сознания, мифологическая память, Вирджиния Вулф, Тимур Пулатов, нарративная стратегия, художественное время, сравнительный анализ.*

Типология литературного персонажа в литературе прошедшего столетия отразила фундаментальный сдвиг в понимании человеческой идентичности. Если классическая традиция определяла героя через социальную детерминацию и событийную вовлеченность, то модернистские и постмодернистские практики сместили акцент на внутренние структуры сознания и коллективные культурные коды. Этот эпистемологический поворот обусловлен не только эстетическими поисками, но и переосмыслением субъекта в условиях исторических разрывов. Сравнительный анализ двух полярных моделей - персонажа как замкнутой системы индивидуального сознания и героя как медиатора родовой памяти - позволяет выявить принципиально различные стратегии художественной антропологии. Первая ориентирована на герметичный внутренний мир, где реальность преломляется сквозь призму ассоциаций и рефлексии. Вторая интегрирует индивида в протяженное мифологическое пространство, делая его проводником трансгенерационного опыта. Подобная дихотомия раскрывает глубинные механизмы конструирования субъективности и демонстрирует, как литературный текст фиксирует культурную идентичность в эпоху кризиса универсальных ценностей [1, 45].

В прозе Вирджинии Вулф персонаж предстает как автономная система сознания, изолированная от внешних событийных координат. Роман «Миссис Дэллоуэй» выстраивается не вокруг фабульного действия, а вокруг непрерывного движения мысли, где прошлое и настоящее сливаются в единый психологический ландшафт. Кларисса Дэллоуэй существует преимущественно в пространстве внутренней рефлексии: её восприятие мира фильтруется через мимолетные ощущения, ассоциативные связи и эмоциональные отклики. Синтаксис прозы имитирует работу сознания - длинные периоды с многочисленными

придаточными, парцелляция, внезапные переходы от одного образа к другому создают эффект непрерывного внутреннего монолога. Внешний мир теряет объективность, превращаясь в материал для психологической переработки. Герой не взаимодействует с реальностью напрямую; он интерпретирует её через призму личной памяти. Такая нарративная стратегия подчиняет сюжет не логике событий, а логике сознания, где время измеряется интенсивностью переживания. Вулф демонстрирует, что идентичность конструируется не социальными ролями, а непрерывным актом самонаблюдения. Эта модель фиксирует разобщенность индивида в современном урбанистическом пространстве, где внешние контакты не способны преодолеть внутреннюю изоляцию [2, 48].

У Тимура Пулатова типология персонажа строится на ином основании: герой функционирует как узел родовых и мифологических связей, транслирующий коллективную память сквозь поколения. В трилогии «Страсти бухарского дома» центральные фигуры не замыкаются на индивидуальной рефлексии; их сознание проницаемо для голосов предков, архетипических образов и культурных архивов, хранящихся в языке и обрядах [6]. Пулатов использует технику полифонического повествования, где личные переживания сплетены с историческими отголосками и фольклорными мотивами. Время здесь не линейно и не психологизировано; оно циклично, мифологично, подчинено ритмам природного и культурного календаря. Герой воспринимает себя не как автономного субъекта, а как звено в непрерывной цепи поколений, несущее ответственность за сохранение памяти. Синтаксическая организация текста отражает эту установку: преобладают сложные конструкции с параллелизмом, повторами и инверсиями, создающими эффект обрядовой речи. Внешние события служат катализаторами пробуждения родовой памяти, заставляя персонажа обращаться к корням для осмысления настоящего. Подобная модель утверждает, что идентичность не изобретается индивидом, а наследуется и транслируется через культурные коды [7].

Сравнительный анализ выявляет фундаментальные различия в механизмах художественной репрезентации субъекта. Вулфовский тип оперирует категориями изоляции, рефлексии и временной субъективизации, где прошлое существует лишь как материал для текущего эмоционального состояния. Пулатовский тип, напротив, утверждает преемственность, диалог с предками и объективацию времени через мифологические структуры. Если у Вулф память фрагментарна, ассоциативна и подчинена закону психологической экономии, то у Пулатова она системна, ритуализирована и выполняет функцию онтологического ориентира. Эти различия проявляются в нарративных техниках: поток сознания у Вулф разрушает хронологию, сводя время к мгновенным вспышкам восприятия, тогда как у Пулатова хронология подчинена архетипическим циклам, где настоящее постоянно отсылает к мифологическому первоисточнику. Прагматическая направленность текстов также расходится: модернистская проза фиксирует кризис коммуникации и экзистенциальную неуверенность, тогда как узбекский автор использует мифологическую память как инструмент восстановления целостности и этической устойчивости [4, 156].

Стилистическое воплощение этих моделей требует различных языковых стратегий. Вулф опирается на импрессионистическую лексику, метафоры восприятия и синтаксическую парцелляцию, имитирующую скачкообразность мысли. Её проза стремится к максимальной субъективизации, где каждый фрагмент окрашен индивидуальным эмоциональным фильтром. Пулатов, напротив, использует архаизированную лексику, параллелизмы, устойчивые формулы и ритмические повторы, создающие эффект устной традиции. Его синтаксис тяготеет к завершенности, балансу частей и музыкальной организации фразы, что соответствует задаче трансляции коллективного опыта. Эти стилистические выборы обусловлены глубинной логикой концептуального моделирования. Замкнутый субъект требует языка, способного фиксировать мимолетность и неоднозначность, тогда как носитель родовой памяти нуждается в устойчивых, повторяющихся формах, обеспечивающих сохранность культурного кода. Различия в синтаксической архитектуре напрямую влияют на восприятие читателя: один текст погружает в интимный мир переживаний, другой выводит в пространство коллективного бытия [5, 94].

В повести «Владения» Пулатов демонстрирует, как мифопоэтический образ становится инструментом концептуализации универсальных закономерностей. Центральный герой - старый коршун - функционирует не как индивидуализированный персонаж, а как архетип владыки, чье одиночество отражает экзистенциальную отчужденность. Сюжет сведен к облёту территории после ночи полнолуния, что превращает повествование в ритуализированное действо, подчиненное циклическому времени мифа. Образы жуков-скарабеев, суслика, ветра образуют полифоническую структуру, где каждое существо является хозяином своего «владения», что метафорически раскрывает законы природы и человеческого социума [6]. Такая стратегия позволяет автору избежать психологизации, сохраняя при этом философскую глубину: герой не анализирует свои переживания, но воплощает их через мифологизированное действие. В отличие от вулфовской модели, где сознание героя является единственным пространством репрезентации, у Пулатова персонаж существует в диалоге с космосом, предками и культурной памятью.

Исследование типологии персонажа подтверждает, что художественное моделирование субъекта не сводится к единой парадигме. Модернистская традиция, представленная Вирджинией Вулф, фиксирует раздробленность сознания и автономию внутреннего мира, превращая личность в замкнутую систему самонаблюдения. Проза Тимура Пулатова предлагает альтернативную модель, где герой выступает как медиатор между поколениями, хранитель мифологической памяти и этических кодов культуры. Обе стратегии отвечают на вызовы своего времени, но делают это через принципиально различные нарративные и стилистические механизмы. Сравнительный анализ демонстрирует, что типология персонажа отражает не только эстетические предпочтения, но и глубинные культурные матрицы, определяющие способы осмысления идентичности. Перспективы дальнейшего исследования лежат в области кросс-культурного сопоставления и интеграции когнитивных методов,

позволяющих проследить эволюцию художественного сознания в условиях глобализации [3, 45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. Вулф, В. Современная проза / В. Вулф // Собрание эссе: В 2 т. — М.: Независимая газета, 2002. — Т. 1. — С. 45–52.
3. Ивашина, Н. П. Вирджиния Вулф: Поэтика сознания / Н. П. Ивашина. — М.: Языки славянской культуры, 2000. — 288 с.
4. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. — Л.: Просвещение, 1972. — 271 с.
5. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — М.: Наука, 1976. — 407 с.
6. Пулатов, Т. И. Избранные произведения: В 2 т. / Т. И. Пулатов. — Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1990. — Т. 1. — 544 с.
7. Тюпа, В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) / В. И. Тюпа. — М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с.